

Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Роберт ШЕКЛИ

ЖЕРТВА ИЗ КОСМОСА

ББК 84.7А м.
Г 94

Шекли Роберт

Жертва из космоса. Фантастический рассказ.
Перевод с англ. Е. А. Дрозда. «Фантакрим-микро». —
Москва, «Прометей», 1989. — 32 с.

Издание подготовлено литературно-
издательским агентством «Эридан»

Судьба героя рассказа Р. Шекли еще раз заставляет читателя задуматься над общеизвестной истиной: невозможно облагодетельствовать другого человека, руководствуясь собственными представлениями о счастье.

Г $\frac{4703040100-340}{183(2)-89}$ без объявл.

© Издательство «Прометей» МГПИ
имени В. И. Ленина, 1989.

Роберт ШЕКЛИ

ЖЕРТВА ИЗ КОСМОСА

Хэдвелл вглядывался в проплывающую под ним планету. Он ощущал восторженную дрожь, ибо это был прекрасный мир зеленых равнин, красноватых гор и бурных синих морей, покрытых седой пеной. Автоматы корабля быстро собрали всю необходимую информацию и вынесли вердикт, что планета идеально подходит для жизни гуманоидов. Хэдвелл запустил программу снижения и открыл записную книжку.

Он был писателем, автором «Белых призраков астероидного пояса», «Саги космических глубин», «Странствий межпланетного бродяги» и «Териры — планеты загадок».

Он занес в записную книжку: «Новая планета вырисовывалась подо мною, манящая и загадочная, бросая вызов воображению. Что найду я здесь, я, бродяга из звездных просторов? Что за странные тайны сокрыты под зелеными покровами? Ждет ли меня опасность? Любовь? Исполнение желаний? Найдется ли тут пристанище для усталого скитальца?»

Ричард Хэдвелл был высоким, стройным, рыжеволосым молодым человеком. От отца он унаследовал внушительное состояние, которое вложил в покупку Космического Корвета класса КК. На этом выдавшем виды корабле он путешествовал последние шесть лет и писал восторженные книги о местах, которые посещал. Восторг, правда, был по большей части фальшивым, ибо чужие планеты оказывались разочаровывающе скучными и однообразными. Туземцев же Хэдвелл нашел невообразимо глупыми и поразительно уродливыми. Их пища была отвратительной, а манеры отталкивающими. Тем не менее Хэдвелл писал истории о романтических приключениях и надеялся, что сам когда-нибудь станет героем одной из них.

Под ним расстилалась прекрасная планета, покрытая тропическими лесами, без единого города. Его корабль уже садился на площади небольшой деревушки, среди крытых соломой хижин.

— Возможно, здесь мне повезет, — сказал Хэдвелл самому себе, когда резкий толчок дал знать, что корабль приземлился.

Рано утром того же дня Катага и его дочь Мели прошли по лиановому мосту к Зазубренной Горе, чтобы нарвать цветов фрэга. Нигде больше на Игати фрэг не цвел так пышно, как на Зазубренной Горе. Так оно и должно быть, ведь гора эта посвящена Тангукари, Улыбающемуся Богу.

Позднее к ним присоединился Бруг, юнец с унылым лицом, которого никто всерьез не принимал, кроме, возможно, него самого.

У Мели было такое чувство, что сегодня должно произойти что-то важное. Она была высокой, стройной девушкой и собирала цветы медленно, как будто грезила наяву. Ветер трепал ее длинные черные волосы. Знакомые вещи казались необычно ясными и исполненными глубокого смысла. Она поглядела на деревушку — крошечное скопление хижин у реки, с удивлением оглянулась назад, на Вершину, где совершались все игатианские свадьбы. Потом перевела взгляд к искрящимся морским просторам.

Она была самой прелестной девушкой в Игати; даже старый жрец с этим соглашался. Она жаждала исполненной драматизма жизни. Но дни в деревушке текли монотонно, и вот она здесь, собирает цветы фрэга под палящими лучами двух солнц. Ей казалось, что это несправедливо.

Ее отец двигался энергично, напевая за работой. Он знал, что цветы вскорости ферментируются в общедеревенском чане. Лэг, жрец, пробормочет надлежащие слова над варевом и свершит обрядовое возлияние перед образом Тангукари. А когда завершатся эти формальности, вся деревня, включая собак, предастся восхитительной попойке.

Эти мысли заставляли его трудиться усердней. Кроме того, Катага замыслил тонкий и рискованный план для поднятия своего престижа. Обмозговывать стратегию будущих действий тоже доставляло ему удовольствие.

Брог выпрямился, вытер потное лицо свободным концом набедренной повязки и глянул ввысь — не намечается ли дождя.

— Эй! — воскликнул он.

Катага и Мели оглянулись.

— Там! — заорал Брог. — Вот там! Смотрите!

Высоко над их головами серебряная точка, окутанная красным и зеленым пламенем, медленно спускалась вниз, увеличиваясь в размерах, пока не превратилась в сверкающую сферу.

— Пророчество! — благоговейно бормотал Катага. — Наконец-то после стольких веков ожидания.

— Бежим, известим деревню! — воскликнула Мели.

— Подождите, — сказал Брог. Он залился румянцем и ковырял землю большим пальцем ступни. — Я первый его заметил, ведь так?

— Ну, конечно, — нетерпеливо ответила Мели.

— И поскольку я увидел его первым, — продолжал Брог, — и тем самым оказал деревне важную услугу, то, как вы думаете, не будет ли уместно...

Брог хотел того, чего жаждет каждый игатианин, ради чего он работает и о чем молится и относительно чего смысленные люди вроде Катаги строят тонкие планы. Но называть по имени желаемую вещь было не принято. Мели и ее отец, однако, все поняли.

— Как ты считаешь? — спросил Катага.

— Я полагаю, он действительно кое-что заслужил, — ответила Мели.

Брог сценил руки.

— Мели, пожалуйста! Ведь ты сделаешь это сама?

— Однако, — сказала Мели, — последнее слово за жрецом.

— Ну, пожалуйста! — взмолился Брог. — Лэг может решить, что я еще не готов. Пожалуйста, Катага. Сделай это сам.

Катага посмотрел на непреклонное лицо дочери и вздохнул.

— Извини, Брог. Если бы это было между нами... Но Мели так щепетильна, так ортодоксальна. Пусть жрец решает.

Брог кивнул, он был совершенно раздавлен. Над их головами сияющая сфера, описав дугу, спустилась к низине, где расположена была деревня. Трое игатиан похватали мешки с цветами фрэга и двинулись домой.

Они достигли лианового моста, раскачивающегося над ревушим потоком. Катага приказал Брогу идти первым, а Мели — вслед за ним. Затем на мост ступил он сам, вытаскивая маленький нож, который он прятал в набедренной повязке.

Как он и ожидал, Мели и Брог не оглядывались назад. Они были слишком поглощены удержанием равновесия на хлипком, раскачивающемся мосту. Когда Катага дошел до середины моста, он запустил пальцы под главную несущую лиану. Быстрым движением нащупал место, где лиана начала перетираться. Это место он отыскал несколько дней назад. Он быстро несколько раз полоснул лиану ножом, чувствуя, как разделяются волокна. Еще пара надрезов, и лиана уже не сможет выдержать вес взрослого мужчины. Но он не стал их делать. Пока было достаточно. Очень довольный собой, Катага спрятал нож в складки набедренной повязки и поспешил за Брогом и Мели.

Деревня, услышав новость, превратилась в гудящий улей. Мужчины и женщины не могли говорить ни о чем другом, кроме как о великом событии, и перед Часовней Орудия уже было начался импровизированный танец. Но он прекратился,

когда из Храма Тангукари вышел, прихрамывая, старый жрец.

Лэг, жрец, был высоким, истощенным стариком. После многих лет служения его лицо стало напоминать улыбающееся, благосклонное лицо бога, которому он служил. На его лысой голове была корона из перьев — знак принадлежности к жреческой касте, и он тяжело опирался на священную черную палицу.

Народ собрался перед ним. Брог стоял рядом со жрецом, нервно потирая руки. Он надеялся на вознаграждение, но не решался слишком настойчиво его добиваться.

— Мой народ, — сказал Лэг, — исполнилось древнее пророчество Игати. Великая блестящая сфера опустилась с неба, как и говорится в древнем сказании. Внутри сферы окажется живое существо, подобное нам, и оно окажется посланцем Тангукари.

Люди кивали, на лицах их был восторг.

— Посланец совершит великие деяния. Он будет творить добро, как никто никогда до него не творил. И когда он завершит свой труд и удалится на покой, он будет ждать нашей награды.

Голос Лэга понизился до драматического шепота.

— Этой наградой является то, чего желает каждый игатианин, о чем он мечтает, о чем молится. Это абсолютный дар, которым одаривает Тангукари тех, кто хорошо служит ему и своему поселению.

Жрец повернулся к Брогу.

— Ты, Брог, — сказал он, — был первым, кто узрел прибытие посланца. Ты хорошо послужил поселку.

Жрец поднял руку.

— Друзья! Считаете ли вы, что Брог заслуживает награды, о которой он просит?

Большинство считало, что заслуживает. Но Васси, богатый торговец, нахмурившись, выступил вперед.

— Это несправедливо, — сказал он. — Другие, чтобы заслужить это, работают долгие годы и жертвуют для храма дорогие дары. Брог недостаточно совершил, чтобы заслужить даже низкую награду. Кроме того, он незнатного рода.

— В чем-то он прав, — согласился жрец.

Брог застонал, так что всем было слышно.

— Но, — продолжал священник, — милость Тангукари распространяется не только на людей высокого происхождения. Самый скромный поселянин может заслужить ее. Если Брог не будет достойно вознагражден, не лишатся ли остальные надежды?

Толпа одобрительно заревела, и глаза Брога увлажнились от благодарности.

— Стань на колени, Брог, — сказал жрец, и его лицо, казалось, лучилось добротой и любовью.

Брог опустился на колени. Поселяне затаили дыхание.

Лэг поднял свою тяжелую палицу и изо всей силы обрушил ее на голову Брога. Это был хороший удар, настоящий удар. Брог свалился на землю, дернулся разок и испустил дух. Все с восхищением созерцали выражение радости, застывшее на его лице.

— Очень мило, — завистливо пробормотал Катага.

Мели коснулась его локтя.

— Не грусти, папочка. Когда-нибудь и ты получишь свою награду.

— Надеюсь, что так, — ответил Катага. — Но кто знает? Кто может быть уверен? Возьми Рии. Не было парня более милого и благочестивого. Бедный старина Рии всю жизнь тяжело трудился и молил бога о ниспослании ему насильственной смерти. Люб о й насильственной смерти. И что же случилось? Он умер во сне. И это смерть для мужчины?.

— Всегда можно отыскать два-три исключения.

— Я могу тебе привести еще дюжину примеров, — возразил Катага.

— Постарайся не волноваться из-за этого, папочка, — сказала Мели. — Я знаю, ты умрешь так же прекрасно, как Брэг.

— Да, да... Но если вдуматься, то Брэг закончил свою жизнь так просто.

Его глаза загорелись.

— Я бы предпочел что-нибудь по-настоящему великое, что-нибудь сложное, мучительное, вроде того, что будет у посланца.

Мели отвела взгляд в сторону.

— Ты претендуешь на то, что тебе не положено по твоему положению, папа.

— Верно, верно, — ответил Катага. — Да, конечно, но все же когда-нибудь...

Он внутренне ухмыльнулся. Вот именно — когда-нибудь. Предприимчивый мужчина, если, конечно, он человек не робкого десятка, берет судьбу в собственные руки и сам готовит себе насильственную смерть, не дожидаясь покорно, пока жрец соизволит раскинуть на этот счет своими вялыми мозгами. Это, конечно, можно назвать ересью или еще как-нибудь, но некое глубокое чувство подсказывало Катаге, что человек имеет право умереть

так насильственно и мучительно, как ему того хочется — если он сумеет только все должным образом организовать.

Воспоминание о надрезанной лиане наполнило его гордостью. Как удачно сложилось, что он так и не выучился плавать.

— Пойдем, — сказала Мели, — поприветствуем посланца.

Они последовали за односельчанами в низину, где приземлилась сфера.

Ричард Хэдвелл откинулся на спинку пилотского кресла и вытер пот со лба. Последняя группа туземцев только что покинула корабль, и он слышал, как они со смехом и песнями возвращаются в свою деревушку. Уже сгустились сумерки. Пилотский отсек пропах цветами, медом и вином, и его серые металлические стены, казалось, все еще отражали пульсирующий ритм барабанов.

Он улыбнулся, вспоминая события минувшего дня, и вытащил записную книжку. Выбрав подходящую ручку, он записал: «Усладой взора предстает прекрасная Игати, страна величественных гор и ревущих потоков, пляжей, усыпанных черным песком, и огромных цветочных деревьев в зеленых джунглях».

«Неплохо», — сказал сам себе Хэдвелл. Он закусил губу и продолжил.

«Здесьние люди принадлежат к миловидной гуманоидной расе, кожа их слегка коричневая, на вид они стройны и гибки. Они приветствовали меня цветами и танцами и множеством иных знаков радости и восхищения. Не стоило никакого труда

с помощью гипнопедии выучить их язык, и очень скоро я почувствовал себя так, будто здесь всегда был мой дом. Это добросердечные, любящие пошутить люди, мягкие и учтивые, живущие безмятежно в близости к Природе. Какой урок для Цивилизованного Человека!

Этим людям и их благосклонному богу Тангукари сразу же отдаешь свое сердце. Остается только надеяться, что Цивилизованный Человек, с его тягой к разрушениям и безумствам не появится здесь и не собьет этот народ с пути радостной умеренности».

Хэдвелл выбрал ручку с* более тонким пером и стал писать дальше.

«Тут живет одна девушка по имени Мели, которая...» Он зачеркнул строку и написал: «Черноволосая девушка по имени Мели, прекрасная превыше всяких сравнений, подошла близко ко мне и заглянула глубоко в глаза...» Эту строку он тоже зачеркнул.

Нахмурившись, он попробовал еще несколько строк:

«Ее прозрачные коричневые глаза обещали радость сверх...»

«Ее алые губы слегка дрогнули, когда я...»

«Хотя ее маленькая рука задержалась на моей только секунду...»

Он вырвал страничку и скомкал ее. Он решил, что сказываются пять месяцев вынужденного воздержания в космосе. Лучше вернуться к главному, а Мели оставить на потом.

Он написал:

«Существует множество способов, которыми доброжелательный наблюдатель может помочь этим

людям, но возникает сильнейшее искушение не делать абсолютно ничего — из опасения разрушить их культуру».

Хэдвелл закрыл записную книжку и выглянул в иллюминатор. В деревне горели факелы. Он снова открыл дневник.

«Однако их культура кажется достаточно целостной и устойчивой. Помощь определенного вида не повредит им, а принесет только пользу. И такого рода помощь я безвозмездно предоставляю им».

Он с треском захлопнул книжку и убрал свои ручки.

На следующий день Хэдвелл начал свои добрые дела. Он обнаружил, что многие игатиане страдают от болезней, которые разносят москиты. Тщательно подобрав антибиотики, он исцелил почти всех, если не считать самые запущенные случаи. Затем он организовал работы по осушению болотца с затхлой водой, где выводились москиты.

Когда он совершал свои врачебные обходы, Мели сопровождала его. Прекрасная игатианка быстро освоила элементарные навыки медсестры, и Хэдвелл нашел ее помощь неоценимой.

Скоро все сколько-нибудь серьезные болезни в деревне исчезли. Хэдвелл стал проводить свои дни в солнечной роще, неподалеку от Игати, где он отдыхал и работал над своей книгой. В один прекрасный день Лэг собрал сходку, чтобы оценить значение этого факта.

— Друзья, — сказал старый жрец, — наш друг, Хэдвелл, совершил чудесные вещи для нашего посе-

ления. Он исцелил больных, так что они тоже могут жить и разделять нашу надежду на милость Тангукари. А сейчас Хэдвелл утомился и отдыхает под солнцем. Теперь он надеется получить награду, за которой явился.

— Это законно, — сказал торговец Васси, — что посланец должен получить награду. Я считаю, что жрец должен взять свою палицу и совершить должное...

— Только и всего? — спросил Джуэли, молодой жрец-практикант. — Разве посланец Тангукари не заслужил лучшей смерти? Хэдвеллу полагается больше, чем палица! Гораздо больше!

— Ты прав, — медленно согласился Васси, — в таком случае, я думаю, нам следует загнать ему под ногти ядовитые шипы ледженберра.

— Для торговца это, может быть, и неплохо, — сказал Тгара, каменотес, — но не для Хэдвелла. Он заслуживает смерти вождя! Я предлагаю связать его и развести небольшой костер под его подошвами и постепенно...

— Погодите, — изрек Лэг. — Посланец заслуживает Смерти Адепта. Следовательно, пусть его возьмут нежно и крепко и отнесут к ближайшему гигантскому муравейнику и погрузят в него по самую шею.

Послышались возгласы одобрения. Тгара сказал: — И пока он будет подавать признаки жизни, в его честь будет звучать древний церемониальный барабан.

— А также будут устроены пляски, — добавил Васси.

— И славная выпивка, — закончил Катага. Все согласились, что это будет чудесная смерть.

Детали были оговорены и срок установлен. Поселок трепетал в религиозном экстазе. Все хижины были украшены цветами, кроме Часовни Орудия, которой надлежало быть неукрашенной. Женщины пели и смеялись, совершая приготовления к пиршеству. Только Мели по какой-то непонятной причине впала в глубокую задумчивость. С опущенной головой прошла она по деревне и медленно поднялась по склону холма. Она шла к Хэдвеллу.

Хэдвелл был раздет до пояса и загорал под двумя солнцами.

— Привет, Мели,— сказал он.— Я слышал барабан. Что-то затевается?

— Готовится праздник,— ответила Мели, подсаживаясь к нему.

— Очень мило. Ничего, если я присоединюсь?

Мели внимательно посмотрела на него и медленно кивнула. Ее сердце дрогнуло при виде такой отваги. Посланец до мелочей придерживался древнего ритуала, согласно которому человек должен делать вид, что пиршество, устраиваемое в честь его смерти,— это нечто, совершенно его не касающееся. Современные мужчины не способны на такое мужество. Но, разумеется, посланец Тангукари лучше всех знает правила игры и умеет им следовать.

— Как скоро это начнется?

— Через час,— ответила Мели. Раньше она чувствовала себя с ним свободно и раскованно. Теперь же она была подавлена и ощущала тяжесть на сердце. Сама не зная, почему. Она бросила застенчивый взгляд на его яркую одежду, рыжие волосы.

— Должно быть, это будет мило, — сказал Хэдвелл. — Да, сэр, должно быть мило...

Его голос дрогнул. Сквозь приспущенные веки он глядел на миловидную игатианку, разглядывал чистую линию шеи и плеч, ее черные волосы и скорее чувствовал, чем обонял, слабый запах ее сухих духов. Нервным движением он сорвал травинку.

— Мели, — сказал он, — я...

Он не договорил. Внезапно, неожиданно она оказалась в его объятиях.

— О, Мелли!

— Хэдвелл! — воскликнула она, сильнее прижимаясь к нему. Внезапно она вырвалась из его рук и тревожно поглядела на него.

— В чем дело, дорогая? — спросил Хэдвелл.

— Хэдвелл, есть еще что-нибудь, что ты можешь сделать для поселка? Что угодно! Нашим людям это так понравится!

— Конечно, есть, — ответил Хэдвелл. — Но я бы предпочел сначала отдохнуть, к чему спешка?

— Нет! Пожалуйста! — взмолилась она. — Ты говорил про какие-то ирригационные каналы. Ты можешь начать копать их прямо сейчас?

— Если ты этого хочешь, — ответил Хэдвелл, — но...

— Милый! — она вскочила на ноги.

Хэдвелл потянулся к ней, но она отступила назад.

— Нет времени. Я должна бежать в деревню и сказать им!

Она убежала. А Хэдвелл остался рассуждать о странном поведении туземцев, в частности, о странном поведении туземных женщин.

Мели, прибежав в деревню, нашла жреца в храме, где он молился о ниспослании ему мудрости и умения выбрать правильный путь. Она быстро рассказала ему о планах посланца относительно новой помощи деревне.

Старый жрец медленно кивал.

— В таком случае праздничный пир и церемонию придется отложить. Но скажи, дочь моя, почему ты оказалась вовлечена в это дело?

Мели залилась румянцем и не нашла, что сказать.

Старый священник улыбнулся. Но затем его лицо снова посуровело.

— Я понимаю. Но послушай меня, дитя. Не позволяй любви отвлекать тебя от должного поклонения Тангукари и от неукоснительного соблюдения древних заветов нашего поселения.

— Конечно же! — сказала Мели. — Я просто почувствовала, что Смерть Адепта недостаточно хороша для Хэдвелла. Он заслуживает большего! Он заслуживает Крайнего Предела.

— Уже шесть веков не рождался человек, заслуживающий Предела, — произнес Лэг. — С того самого времени, когда герой и полубог В'ктат спас игатианскую расу от ужасных Зверей Хуэлвы.

— Но Хэдвелл тоже рожден героем, — воскликнула Мели. — Дайте ему время, пусть он постарается. Он докажет, что достоин!

— Возможно, — задумчиво сказал жрец. — Это будет выдающееся событие в истории поселка... Но, Мели. Ведь Хэдвеллу может понадобиться вся его жизнь, чтобы доказать, что он достоин этого.

— Но разве цель не стоит того, чтобы запастись терпением? — спросила она.

Старый жрец побарабанил пальцем по дубине, его лоб сморщился от раздумий.

— Возможно, ты права, — медленно сказал он, — да, возможно, ты права.

Внезапно он выпрямился и бросил на нее пронизывающий взгляд.

— Но скажи мне правду, Мели. Ты действительно стараешься сберечь его для Крайнего Предела? Или же ты всего лишь хочешь сберечь его для себя?

— Он должен умереть той смертью, которую по праву заслужил, — смиренно произнесла Мели.

Но она не могла заставить себя посмотреть жрецу в глаза.

— Хотел бы я знать, — сказал старик, — что кроется в глубинах твоего сердца. Мне кажется, что лишь тончайший волосок отделяет тебя от ереси, Мели. А ведь ты всегда отличалась ортодоксальностью.

Мели уже открыла рот для ответа, когда в храм ворвался торговец Васи.

— Идите скорее! — закричал он. — Этот фермер, Иглаи. Он нарушил табу!

Толстый, добродушный фермер умер ужасной смертью. Он шагал обычной своей дорогой от собственной хижины к центру деревни, мимо старого тернового дерева. Без всякого предупреждения, дерево взяло и свалилось на него. Тернии насквозь проткнули его плоть во множестве мест. Очевидцы рассказывали, что он стонал и дергался целый час, перед тем как испустить дух.

Но он умер с улыбкой на лице.

Жрец оглядел толпу, окружившую тело Иглаи. Некоторые селяне ладошками прикрывали ухмылки. Лэг обошел терновое дерево и внимательно осмотрел

его. На стволе он обнаружил слабые следы пилы, замазанные глиной. Жрец повернулся к толпе.

— Иглаи часто видели около этого дерева? — спросил он.

— Что видели, так это точно, — сказал один из фермеров, — он всегда ел второй завтрак под ним.

Толпа ухмылялась уже открыто, гордая поступком Иглаи. Слышались замечания.

— А я-то удивлялся — чего он все время здесь ест?

— И никогда не ел тут в компании. Говорил, что любит питаться в одиночку.

— Ха!

— А сам, наверное, все время пилил.

— Месяцами, должно быть, работал. Это очень твердая древесина.

— Кто мог ожидать такого от Иглаи! На вид — простачок.

— Еще бы! Простой фермер, и никто не решился бы его назвать чересчур религиозным. Но вот смог же заполучить чертовски отличную смерть.

— Слушайте меня, добрые люди! — воззвал Лэг. — Иглаи совершил святотатство. Только жрец может даровать насильственную смерть.

— Чего жрецы не видят, то их не задевает, — пробурчал кто-то.

— Так значит, это святотатство, — сказал другой. — Иглаи поимел прекрасную смерть. Вот что важно.

Старый жрец печально отвернулся. Он опоздал и уже ничего не мог поделать. Если бы он поймал Иглаи с поличным, то применил бы самые суровые санкции. Иглаи никогда бы не осмелился устраивать свою собственную гибель и, возможно, умер бы

тихо, в зрелом возрасте и всеми забытый. Но теперь было слишком поздно. Фермер заполучил свою смерть и на ее крыльях уже перенесся в Рукечанги. Просить Господа наказать Иглаи в после-жизни было бессмысленно, поскольку фермер уже предстал перед Судьей и сам излагает Ему свое дело.

Лэг спросил:

— Кто-нибудь из вас видел, как он подпиливал это дерево?

Если кто и видел, так помалкивал. Тут они все единодушны. Лэг это знал. Невзирая на то, что с самого раннего детства он прививал им правильные религиозные взгляды, они не оставляли своих попыток перехитрить жреца.

Неужели они никогда не поймут, что такая самодеятельная смерть никогда не сравнится со смертью честно заработанной и заслуженной, которая была бы исполнена при соблюдении всех правил ритуала?

Он вздохнул. Жизнь иногда казалась ему бессмысленным, невыносимым бременем.

Спустя неделю Хэдвелл писал в своем дневнике: «Никогда не существовало расы, подобной игатианской. Я жил среди них, ел и пил с ними, наблюдал их обряды и обычаи. Я могу сказать, что знаю и понимаю их. И истина об этом народе, открывшаяся мне, ошеломляет, если не сказать больше.

Истина эта такова, что игатианцы не знают, что такое война! Задумайся над этим, Цивилизованный Человек! Нигде, ни в письменной их истории, ни в изустных преданиях не упоминается ни одна война. У них просто не было войн. И они

понятия не имеют, что это такое. Приведу следующий пример.

Я пытался объяснить, что такое война Катаге, отцу несравненной Мели. Он почесал затылок и спросил:

— Ты говоришь, что многие убивают многих? Это и есть война?

— Частично, — ответил я. — Тысячи убивают тысячи.

— Значит, — сказал Катага, — много людей умирает в одно и то же время, одинаковым образом?

— Верно, — ответил я.

Он долгое время размышлял над этим, а потом повернулся ко мне и сказал:

— Это нехорошо, когда многие умирают одинаково и одновременно. Это неправильно. Каждый человек должен умереть своей собственной, индивидуальной смертью.

Поразмысли, Цивилизованный Человек, над невероятной наивностью этого ответа. И подумай, однако, над той глубокой истиной, что скрывается за этой кажущейся наивностью — эту истину неплохо бы выучить многим из нас.

Более того, эти люди не ссорятся между собой, не знают кровной мести, преступлений по страсти и убийств.

Я прихожу к выводу: насильственная смерть не известна этим людям, ну, разумеется, исключая несчастные случаи.

Это просто позор, что несчастные случаи происходят здесь так часто и столь часто кончаются трагически. Я приписываю это дикости окружающей природы и легкомысленной, черт-нам-не-брат, натуре игатиан. К слову сказать, даже несчастные

случаи не остаются незамеченными и незарегистрированными. Священник, с которым я завязал довольно дружеские отношения, все время в своих проповедях отмечает возросшее количество несчастных случаев и постоянно предостерегает против них. Он все время призывает народ к осторожности.

Он хороший человек.

А теперь я хочу записать самую последнюю и самую замечательную новость из всех. (Хэдвелл застенчиво улыбнулся, поколебался, затем снова склонился над записной книжкой).

Мели согласилась быть моей женой! Как только я закончу свои записи, начнется церемония. Празднество уже началось, пиршество подготовлено. Я считаю себя самым счастливым человеком, ибо Мели прекрасная женщина. И очень необычная женщина к тому же.

Она придает огромное значение труду на благо общества. Может быть, даже слишком большое. Она постоянно понуждает меня выполнять разные полезные работы для населения. И я сделал многое. Я завершил для них ирригационную систему, научил их выращивать несколько видов быстрорастущих злаков, научил их обрабатывать металл и многому другому, о чем упоминать слишком долго. А она хочет, чтобы я делал еще и еще, гораздо больше.

Но здесь я уперся. Имею же я право на отдых. Я хочу провести долгий и ленивый медовый месяц, а затем с годик или больше ничего не делать, загорать и кончать свою книгу.

Мели не может этого понять. Она все пытается говорить мне, что я должен продолжать общественные работы. И она говорит о какой-то церемонии,

включающей «Крайний Предел» (если я верно перевел).

Но я уже достаточно поработал. Я отказался делать что-либо еще, по крайней мере, в течение ближайшего года или двух.

Эта церемония «Крайнего Предела» должна состояться сразу же после свадьбы. Я думаю, что это какая-то высокая почать, или что-то вроде того, которую хотят оказать мне эти простые люди. Я выразил свое согласие на участие в церемонии.

«Это должно быть интересно».

Вся деревня, собравшаяся на свадьбу, ведомая жрецом, промаршировала к Утесу, где совершались все игатианские свадьбы. Мужчины одели церемониальные перья, а женщины украсили себя гирляндами и браслетами из ракушек и переливчатых камней. Четверо рослых поселян в середине процессии несли какое-то странно выглядящее приспособление. У Хэдвелла не было времени его разглядеть, но он знал, что эту штуку с торжественной церемонией извлекли из простой, ничем не украшенной хижины с черной крышей, которая была, кажется, часовней или еще каким-то святилищем.

Растянувшись цепочкой, они прошли по раскачивающемуся лиановому мосту. Катага, замыкавший шествие, незаметно еще раз полоснул ножом по перетершейся лиане и ухмыльнулся сам себе.

Утес был узким отрогом скалы, нависавшим над морем. Хэдвелл и Мели лицом к жрецу стояли на самом его краю. Лэг поднял руку, и все замолчали.

— О великий Тангукари, — воскликнул жрец. — Возлюби этого человека, Хэдвелла, твоего посланца,

который пришел к нам с неба в сверкающем экипаже и который послужил Игати так, как никто никогда до него. И возлюби твою дочь Мели. Научи ее любить память ее мужа и оставаться твердой в вере ее племени.

Произнося последние слова, жрец пристально и твердо глядел на Мели. И Мели, стоявшая с гордо поднятой головой, ответила взглядом на его взгляд.

— А теперь я объявляю вас, — сказал жрец, — мужем и женой!

Хэдвелл обнял свою жену и поцеловал ее. Люди радостно приветствовали их. Катага хитровато улыбался.

— А теперь, — голос жреца потеплел, — я хочу сообщить тебе, Хэдвелл, хорошую новость. Великую новость!

— Да? — сказал Хэдвелл, неохотно отрываясь от своей жены.

— Мы оценили твои деяния, — сказал Лэг, — и нашли, что ты достоин Крайнего Предела!

— Что ж, спасибо, — сказал Хэдвелл.

Жрец подал знак. Четверо мужчин выволокли вперед странное устройство, которое Хэдвелл ранее успел осмотреть только мельком. Теперь он видел, что это платформа, размером с обширную постель, сделанная из какой-то древней, черной древесины. На раме видны были всевозможные зубцы, крючья, острые раковины, иглы и шипы. Здесь были как-то чашки, не содержащие, однако, никакой жидкости. И были здесь еще многие другие вещи странного вида, о назначении которых Хэдвелл мог только гадать.

— В течение долгих шести столетий, — сказал Лэг, — не извлекалось Орудие из своего Святилища.

С тех самых дней, когда В'ктат, герой и полубог, в одиночку спас игатиан от гибели. Но теперь он извлечен для тебя, Хэдвелл!

— О! Я недостойн такой чести, — ответил Хэдвелл.

Ропот одобрительного восхищения пробежал по толпе при виде такой скромности.

— Поверь мне, — искренне сказал Лэг, — ты действительно достоин. Согласен ли ты принять Крайний Предел, Хэдвелл?

Хэдвелл поглядел на Мели. Он не мог ничего прочесть на ее прекрасном лице. Он посмотрел на жреца. Лицо Лэга было непроницаемо. Толпа застыла в неподвижности. Хэдвелл бросил взгляд на Орудие. Его вид Хэдвеллу не нравился. Сомнение стало закрадываться в его душу.

Может быть он ошибался в этих людях? Орудие, видимо, использовалось для пыток в какие-то древние времена. Все эти шипы и крючья... А чему служат другие штуки? Напряженно размышляя, Хэдвелл представил себе некоторые возможности их использования и содрогнулся. Толпа стояла перед ним плотной стеной. За его спиной была узкая полоска скалы и тысячефутовая пропасть. Хэдвелл вновь посмотрел на Мели.

На ее лице безошибочно читались любовь и преданность.

Посмотрев на поселян, он увидел, что все они переживают за него. О чем беспокоиться? После всего, что он совершил для деревни, они никогда не смогут сделать ему что-либо дурное.

Орудие, без сомнения, имело какой-то символический смысл.

— Я согласен на Крайний Предел, — сказал Хэдвелл жрецу.

Восторженный рев толпы эхом отразился в горах. Все сгрудились вокруг него, улыбались, пожимали руки.

— Церемония состоится сейчас же, — заявил жрец. — В деревне, перед статуей Тангукари.

Они немедленно отправились в обратный путь. Жрец возглавлял процессию. Хэдвелл и его жена шли теперь в центре процессии. Мели после церемонии была молчалива и не вымолвила ни единого слова.

В молчании они пересекли раскачивающийся лиановый мост. При переходе поселяне более тесно, чем раньше, сгрудились вокруг Хэдвелла, так что он ощутил неприятное ограничение свободы. Если бы не уверенность в их изначальной доброте, сказал он сам себе, я мог бы испугаться.

Уже показалась деревня и алтарь Тангукари. Жрец спешил к своему богу.

Внезапно сзади раздался вопль. Все обернулись и бросились к мосту.

Добежав до обрывистого берега реки, Хэдвелл увидел, что произошло. Катага, отец Мели, замыкал шествие. Когда он был на середине моста, главная несущая лиана необъяснимым образом лопнула. Катага успел ухватиться за другую лиану, но только на мгновение. На глазах у поселян его хватка ослабла, лиана вырвалась из его рук, и он упал в реку.

Хэдвелл, застыв от ужаса, следил за происходящим. Он ясно видел, как в страшном сне: падающий Катага, улыбка великолепной отваги на его лице, ревушая, белая от пены вода, зазубренные скалы внизу.

Да, это была ужасная смерть.

— Он умеет плавать? — спросил Хэдвелл Мели.

— Нет, — ответила девушка. — Он всегда отказывался учиться плавать... О, отец! Как ты мог?!

Ревущий поток страшил Хэдвелла более всего, что он видел, даже более, чем пустота Космоса. Но отец его жены был в опасности. Мужчина должен действовать.

Он бросился головой вниз в ледяную воду.

Катага был почти без сознания, когда Хэдвелл доплыл до него, что было очень кстати, ибо игатианин не сопротивлялся, когда Хэдвелл ухватил его за волосы и яростно погреб свободной рукой к ближайшему берегу. Но у него ничего не получалось. Бурлящий поток нес их с собой, то накрывая с головой, то выталкивая на поверхность. Чудовищным усилием Хэдвелл сумел избежать столкновения с первой скалой, но впереди вырастали уже другие.

Поселяне бежали вдоль берега и что-то кричали ему.

Хэдвелл изо всех своих стремительно убывающих сил пытался прибиться к берегу. Подводный камень ободрал ему кожу на боку, и его хватка на волосах Катаги стала ослабевать. Игатианин начал приходить в себя и брыкаться.

— Не сдавайся, старина, — выдохнул Хэдвелл.

Берег стремительно проносился мимо них. Хэдвеллу удалось приблизиться к нему футов на десять, а затем течение снова стало относить их в сторону.

Последним усилием он ухитрился ухватиться за торчащую над водой ветвь и судорожно уцепиться за нее, а поток рвал и терзал его тело. Мгновением позже подбежавшие поселяне, руководимые жрецом, вытащили их на берег.

Их отнесли в поселок. Когда Хэдвелл смог снова нормально дышать, он обернулся и слабо улыбнулся Катаге.

— На волоске висели, старина, — сказал он.

— Нудак! — сказал Катага по-игатиански. Он плюнул в сторону Хэдвелла и заковылял прочь.

Хэдвелл посмотрел ему вслед и почесал затылок.

— Должно быть, малость умом повредился, — сказал он. — Ладно, что там насчет Предела?

Селяне с угрожающими лицами толпились вокруг него.

— Ха! Он еще хочет Предела!

— Этакая тварь!

— После того, как он вытащил бедного Катагу из реки, у него еще хватает наглости...

— Спасти жизнь своему собственному тестю!

— Такое дерьмо, — подытожил торговец Васси, — не заслуживает вообще никакой смерти!

Хэдвелл решил, что они все временно помешались. Он встал, слегка покачиваясь, и воззвал к жрецу.

— Что все это значит? — спросил Хэдвелл.

Бледный Лэг стоял, стиснув зубы, глядел на него трагическими глазами и молчал.

— Так что, будет у меня церемония Крайнего Предела или нет? — спросил Хэдвелл с заунывной ноткой в голосе.

— Ты действительно заслужил ее, — ответил жрец. — Если кто и заслужил когда-либо Крайнего Предела, то это ты, Хэдвелл. И если рассматривать дело с точки зрения абстрактной справедливости, то ты должен ему подвергнуться. Но тут замешано нечто большее, чем просто абстрактная справедливость. Существуют принципы милосердия и простой

человеческой жалости, которые дороги Тангукари. И с точки зрения этих принципов ты, Хэдвелл, совершил ужасный и бесчеловечный поступок, когда вытащил беднягу Катагу из реки. И я боюсь, что это деяние тебе не простится.

Хэдвелл не знал, что сказать. Ясно было, что существует какое-то табу, запрещающее спасать человека, свалившегося в реку. Но откуда он мог знать? И как может этот единственный ничтожный проступок зачеркнуть все доброе, что он для них сделал?

— Ну хоть кака я-то церемония в мою честь существует? — взмолился он. — Вы мне нравитесь. Я хочу жить здесь. Неужели же вы не можете ничего для меня сделать?

Глаза старого жреца затуманились от сострадания. Он сжал в руке палицу, стал подымать ее.

Предостерегающий рев толпы остановил его.

— Я ничего не могу для тебя сделать, — сказал Лэг. — Оставь нас, фальшивый посланец. Оставь нас, о Хэдвелл, не заслуживающий смерти.

— Отлично! — заорал Хэдвелл, чье терпение наконец лопнуло. — К черту ваше стадо грязных дикарей. Я бы здесь не остался, даже если бы вы о том просили. Я уйду! Мели, ты со мной?

Девушка растерянно заморгала, глядя то на Хэдвелла, то на жреца. Последовала долгая пауза. Потом жрец пробормотал:

— Вспомни о своем отце, Мели. Вспомни о вере твоего народа.

Мели гордо подняла подбородок.

— Я знаю свой долг, — сказала она. — Идем Ричард, дорогой мой.

— Отлично, — сказал Хэдвелл. И сопровождаемый Мели он двинулся к своему космическому кораблю.

Старый жрец в отчаянии смотрел им вслед. Его сердце было разбито. Один раз он крикнул надтреснутым голосом: «Мели!» — но Мели не обернулась. Он видел, как они вошли в корабль и как за ней опустилась дверца люка.

Через пару минут языки голубого и красного пламени окутали серебряную сферу. Сфера поднялась ввысь, набрала скорость, уменьшилась до размеров зернышка и исчезла.

Слезы катились по щекам старого жреца.

Часом позже Хэдвелл сказал:

— Дорогая, я возьму тебя на Землю, на планету, откуда я прилетел. Тебе там понравится.

— Я знаю, — прошептала Мели, глядя в иллюминатор на бриллиантовые иглы звезд.

Где-то среди них был ее дом, навсегда теперь для нее потерянный. И она уже тосковала по нему. Но другого выбора не было. По крайней мере, для нее. Женщина должна следовать за мужчиной, которого она любит. И женщина, которая любит по-настоящему, никогда не теряет веры в своего избранника.

Мели не утратила веры в Хэдвелла.

Она нащупала крошечный кинжал в ножнах, спрятанный в складках одежды. Лезвие кинжала было смазано медленно действующим ядом, от которого умирают исключительно болезненно. Это была семейная реликвия, используемая в тех случаях, когда рядом не было жреца, и только для самых любимых людей.

— Мне надоело тратить время попусту, — сказал Хэдвелл. — С твоей помощью я намерен совершить великие дела. Ты будешь гордиться мной, дорогая.

Мели знала, что он верит в это и что его намерения тверды. Однажды, подумала она, настанет день, когда он искупит свое прегрешение против ее отца. Возможно, это будет совсем скоро. Может быть, уже в следующем году. И тогда она вознаградит его самым драгоценным, что только женщина может дать мужчине.

Мучительной смертью.

Роберт Шекли
ЖЕРТВА ИЗ КОСМОСА
Фантастический рассказ

(Фантакрим-микро. Фантастика,
приключения, детектив)

Составление выпусков «Фантакрим-микро» —
М. И. Андрюшкин

Редактор выпуска И. А. Боровская

Оформление и художественное редактирование —
С. В. Баленок

Координатор выпуска Д. В. Крымов

Сдано в набор 20.11.89. Подписано в печать 3.01.90 г. АТ 05502.
Формат 84×108¹/₆₄. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обычн.
новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 0,84. Уч.-изд. л. 1,3.

Тираж 105 000 экз. Заказ 1310. Цена 30 коп.

Издательство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина, 119048,
Москва, Усачева, 64.

Отпечатано в типографии Управления делами Совета Мини-
стров БССР, 220010, Минск, Советская, 11.